

16+

Михаил Узланер

ЗОНА НЕНАВИСТИ

СУПЕР Издательство

Михаил Узланер

Зона ненависти

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Узланер М. Б.

Зона ненависти / М. Б. Узланер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Говорят, мысли и чувства материальны. А что если в мыслях людей – лишь ненависть и злоба? Какой станет реальность? Мать-одиночка вместе с сыном Ильей решает репатрироваться в Израиль. Эйфория от переезда постепенно сходит на нет, и женщина начинает понимать, что Земля обетованная – вовсе не то райское место, о котором она мечтала. Культурные различия, проблемы с работой, неприязненное отношение местных жителей – жизнь новоявленной гражданки Израиля не назовешь легкой. Однако когда с Ильей происходит несчастный случай, Ольга понимает, что такое настоящий кошмар...

© Узланер М. Б., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Аннотация	6
Пролог	7
Часть 1. Зона отчуждения	10
Глава 1. Кому нужен этот "Евгений Онегин"?	10
Глава 2. Жилье с видом на интифаду	13
Глава 3. Первое столкновение, первая кровь	15
Глава 4. Второе столкновение, вторая кровь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

ЗОНА НЕНАВИСТИ

Аннотация

Говорят, мысли и чувства материальны... А что если в мыслях людей – лишь ненависть и злоба? Какой станет реальность?

Мать-одиночка вместе с сыном Ильей решает репатрироваться в Израиль. Эйфория от переезда постепенно сходит на нет, и женщина начинает понимать, что земля обетованная – вовсе не то райское место, о котором она мечтала. Культурные различия, проблемы с работой, неприязненное отношение местных жителей – жизнь новоявленной гражданки Израиля не назовешь легкой. Однако когда с Ильей происходит несчастный случай, Ольга понимает, что такое настоящий кошмар...

"Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя. Да прилипнет язык мой к небу моему, если не буду помнить тебя..." (псалом 137)

Пролог

В дверь питерской квартиры на улице Шверника постучала женщина средних лет. На стук никто не откликнулся. Подождав немного, дама настойчиво забарабанила по дверной доске, проступавшей сквозь ободранный дерматин.

– Ой, здесь же есть звонок! – спохватилась женщина.

Но только она собралась нажать на кнопку, как дверь слегка приоткрылась. Из полутемной щели проема появилось лицо симпатичной девушки.

– Вы Ольга?

Дама утвердительно кивнула. Звякнула цепь, и дверь широко раскрылась.

– Проходите, пожалуйста.

Зайдя в типичную неказистую ленинградскую квартиру, Ольга удивленно уставилась на молоденькую хозяйку. Ну никак она не ожидала увидеть гадалку с несмываемой ничем печатью младшего научного сотрудника НИИ на лице, да еще и одетую в обычное спортивное трико.

Гостя ошарашенно разглядывала малогабаритную квартирку. Она сильно отличалась от тех мистических темных пещер с зелеными свечами, таинственными изваяниями и странными предметами, в которые гадалки обычно превращают свои жилища.

Это была самая обыкновенная хрущевка простого советского инженера, живущего на 140 р. в месяц: цветной телевизор "Горизонт", выдавший виды диванчик, раздвижной стол с четырьмя венскими стульями, польский буфет со стандартным хрусталем и столовым набором "Мадонна" производства Германской Демократической Республики, которой, впрочем, уже и не существовало.

Заметив растерянность посетительницы, хозяйка добродушно улыбнулась.

– Вас же зовут Людмила Николаевна? – пытаюсь избавиться от неловкости, проговорила Ольга.

– Для вас просто Люда... чай, кофе?

– Так вы не только на кофе, но и на чае можете гадать? – поинтересовалась гостя чуть более уверенным голосом.

– Ой, на чем только люди не гадают. Но я этим не занимаюсь, мое дело – дать точную информацию, которую невозможно получить научными методами. А чайку мы с вами поьем, чтобы просто поболтать о наших бабских проблемах. К тому же вам нужно согреться и немножко расслабиться. – Голос Люды был звонкий и прозрачный, как колокольчик.

Женщины прошли на кухню, где, согласно советским обычаям, решались все мировые и семейные проблемы. Люда, усадив гостью за небольшой, но удобный столик и налив крепкого индийского чая, предложила Ольге рассказать о себе.

– Ой, нет, расскажите-ка лучше вы о своей... помощи людям "с проблемами". Так говорите, вы не гадалка?

Люда улыбнулась кажущейся невоспитанности гостя, но, вспомнив лозунг "клиент всегда прав", ответила:

– Я училась на юрфаке. Мой отец был известным в городе адвокатом... Очень храбрым.

– Храбрым? Разве бывают трусливые и храбрые адвокаты?

– О, еще как бывают, – снова улыбнулась Люда. – Храбрые адвокаты не боятся судиться с чиновниками и представителями силовых и ведомственных структур.

– Да кто же позволит с ними судиться? – недоверчиво усмехнулась гостя.

– Когда имеешь репутацию и хорошие связи, то все можно, – уверенно и жестко парировала хозяйка. – Мой отец судился несколько раз с КГБ.

– С КГБ? Как это возможно? – глупо засмеялась Ольга. – Их наверняка все наши судьи боятся.

– Ну, не с самой структурой, а с некоторыми ее нечистоплотными представителями. У КГБ был секретный отдел, в котором работали колдуны, ведьмы, экстрасенсы и прочие шаманы. Ну, сейчас это уже не секрет. Вот с ними-то отец и судился.

– Зачем же вежливым людям понадобилась вся эта нечисть... ой, простите, я не о вас.

– К этой "касте проклятых" я не принадлежу, хотя иногда использую кое-какие их методы. Секретный отдел использовал колдунов в качестве невидимых киллеров для устранения неугодных власти представителей: борцов за справедливость, отказников, узников совести, шпионов и прочих врагов советской власти. Ну и, конечно, для промывки мозгов.

– Вы хотите сказать, что гэбня их... того...

– Да, убирала с помощью магии и шаманства или просто изводила порчей, делала более покладистыми. Ведь в таком случае убрать неудобного человека гораздо проще и чище: жил-был неугодный Сидоров, затем вдруг умер от разрыва сосуда или сердечного приступа.

– И причем здесь вы и ваш отец? – Ольга подозрительно взглянула на хозяйку.

– У тогдашней оппозиции были свои маги и экстрасенсы, которые и вели борьбу с продавшимися советской власти колдунами.

– Что за чушь? Как можно судиться с тем, что с юридической точки зрения не существует? Как можно судить за убийство через порчу или еще какие кровавые ритуалы? Даже слов таких в юриспруденции не существует!

– Совершенно верно. КГБ было легче: они подсовывали опальным колдунам подрывную литературу или наркотики, а судьи давали несчастным длительные сроки. Таких ведь порчей не изведешь, не затравишь злыми духами. Колдуны умели защитить себя на астральном уровне...

– Но как все-таки вы с этим связаны?

– Благодарные клиенты давали отцу всякую эзотерическую литературу. Я этим зачитывалась и сама втянулась в темное дело. К тому же отец познакомил меня с одним из своих клиентов, который оказался очень сильным биоэнергетиком. Он-то и стал моим учителем. Так какие, Ольга, у вас проблемы?

– Мы с сыном решили переехать в Израиль, так сказать, на историческую родину. У меня там есть родственники и знакомые. Мне надо решить, где начать новую жизнь, чем заняться и вообще, стоящее ли это дело, "репатриация".

– Да, еврейский народ повалил из России, как только запахло жареным. Я не осуждаю, сама бы сбежала из страны, которой уже не существует, да только некуда. По телефону я вас предупредила, что нужна будет подробная карта Израиля, чтобы выбрать наиболее благоприятное место проживания.

Ольга с готовностью полезла в сумочку и достала уже довольно обветшалую сложенную вчетверо бумагу. Люда внимательно изучила издательство, выпустившее карту еврейского государства.

– Ого, сионистская подрывная литература, "тамиздат", – с иронией заметила она.

– Ну это раньше давали сроки за преподавание иврита, а сейчас хоть черту с рогами молись – никому дела нет.

– Ну, давайте посмотрим на вашу историческую... – Люда разложила на столе карту и принялась водить своей маленькой ладошкой над Святой Землей. – Вы хотите в какое-то конкретное место поехать?

– Да, в Иерусалим. Там у нас уже 12 лет живут давние друзья... очень ждут и зовут. – Ольга с воодушевлением заерзала на табурете.

– Давайте проверим священный город! – Люда провела рукой над точкой, изображавшей Иерусалим. Веселая улыбка неожиданно сползла с лица биоэнергетика, бровки озабоченно и удивленно поползли вверх. – Иерусалим – самое неудачное место для вас.

– Почему?

– Иерусалим – огромная черная дыра. Не понимаю, как там вообще люди живут. Эта дыра выкачивает столько энергии, просто ужас.

– Ну что вы! – возмутилась Ольга. – Священный город трех религий – черная дыра? Там столько святых мест, столько верующих и праведников собралось, а вы говорите, "невозможно жить"?!

– Я религиями не интересуюсь. Говорю то, что вижу. Вот здесь – очень хорошее место. – Люда указала на пространство неподалеку от Мертвого моря. Здесь находятся очень древние захоронения, много позитива. Что тут у нас. – Люда выискивала на карте подходящий город. – Вот, вам лучше всего ехать в Иерихон.

– Иерихон? Так ведь это арабский город, к тому же расположен на "территориях". Мне об этом городе писала иерусалимская подруга. – Ольге явно не понравились советы гадалки.

– На каких еще "территориях"?

– На "оккупированных Израилем", – вспомнила Ольга советскую антиизраильскую риторику.

– Жаль, что вам туда нельзя. Тогда поищите место наиболее близкое к Иерихону, и тогда я просчитаю, что и как надо делать, чтобы адаптироваться в новой стране. Теперь давайте посмотрим, насколько вам подходит Израиль в принципе.

Люда вышла в гостиную и принесла карту мира. Ладонь гадалки зависла на несколько минут над странами и континентами.

– Да, Израиль вам совсем не подходит. Лучше всего Швеция и Финляндия, но попасть туда нереально. Не очень хорошо, но можно еще попробовать Канаду или Америку.

– Швеция и Финляндия? Такие страны любому эмигранту подойдут лучше всего. – Ольга как-то сразу сникла. Она пообещала подумать о месте "неподалеку от Иерихона" и сообщить о времени следующей консультации, окончательно про себя решив не связываться более с этой странной дамочкой.

Дело в том, что Ольга уже много лет посещала тайные сионистские кружки по изучению иврита и истории Израиля и напрочь заболела сионизмом. Она давно мечтала переехать именно в Израиль, и именно в Иерусалим. Как только границы для выезда из Советского Союза открылись, она без промедлений подала заявку в ОВИР.

Часть 1. Зона отчуждения

Глава 1. Кому нужен этот "Евгений Онегин"?

Выезд из Питера был очень тяжелым. Повсюду приходилось ловить презрительные взгляды патриотов и слушать "благодарности" за "освобождение Ленинграда". Было просто страшно. Страшно жить в стране, в которой у тебя отобрали гражданство, и ты, фактически, не имеешь уже никаких прав. Спасали только деньги, полученные от жилищного кооператива, где папа купил любимой дочке однокомнатную квартиру. Повсюду надо было совать взятки и подарки чиновникам, служащим и даже простым рабочим.

И вот наконец земля обетованная. Страна давних грез и надежд на лучшую жизнь и светлое будущее.

Получив прямо в аэропорту Бен-Гурион израильское гражданство, "дмей кис"¹ с парой сотен американских долларов от Министерства Абсорбции и скудные пожитки, Ольга вместе с сыном направились в Иерусалим.

Там жила ее давняя подруга Мила, переехавшая в Израиль еще в конце 70-х во время кратковременной оттепели, вызванной проведением брежневской Олимпиады. Советскому партийному руководству претили митинги протеста "предателей Родины" во время проведения такого крупного международного мероприятия: в столице было полно иностранцев и журналистов из капиталистических стран, мечтающих выставить страну в невыгодном свете. Во избежание неприятных сюрпризов часть надоедливых евреев выслали за 101 километр, а других, особенно просионистки настроенных, отпустили в Израиль к их несуществующим родственникам.

Мила родилась в писательской семье. Отец, член Союза советских писателей, писал патриотические книги о Совдепии, дед участвовал в подготовке русского издания "Истории евреев", еще в дореволюционной России. Брат, уже живя в Израиле, на русском и иврите писал книги про репатриацию евреев из России. Сама же Мила была журналистом.

Оказавшись на исторической родине, девушка устроилась практически по специальности, на радиостанции "Коль Израэль"². Она разъезжала по всей стране, вела репортажи, брала интервью у жителей Эрец-Израэль, а на самой станции вела два цикла передач на русском языке для жителей Советского Союза и местных русскоязычных репатриантов.

Иногда Ольге удавалось из питерской квартиры услышать сквозь треск гэбэшных глушилок передачи своей подруги от "подрывной сионистской радиостанции". И тогда она с гордостью говорила:

– Это наша Мила ведет репортаж!

Эрец-Израэль очаровала культурную и воспитанную Милу. Она стала очень религиозной, соблюдала все еврейские праздники, обряды и предписания. В письмах к подруге Мила подолгу и с восхищением рассказывала, в какую замечательную страну она приехала.

Мила старалась привить любовь ко всему еврейскому и своим детям. Алекс и Лея прекрасно знали историю израильского народа, могли наизусть произнести любое важное благоговение. Алекс свободно цитировал высказывания многих еврейских мудрецов и собирался свою жизнь посвятить изучению Торы³. Они довольно хорошо разговаривали на русском языке,

¹ От *иврит*. "карманные деньги".

² "Коль Израэль" (от *иврит*. "Голос Израиля") – израильская радиостанция, вещающая на иностранных языках, в том числе на русском.

³ Тора – священная книга евреев.

хотя в их речи вместе с "ивритскими словечками" прочно обосновался израильский акцент с его поющими растянутыми гласными и гортанными согласными.

Мила тщательно подготовилась к долгожданной встрече с Ольгой: приготовила вкусные блюда, фотографии, где она с подругой гуляла по Питеру. Ведь только подумать, они не виделись более десяти лет без всякой надежды встретиться еще когда-либо. Но "железный занавес" был пробит и вот, о чудо, долгожданная встреча.

– Как вы удачно приехали, – радостно щебетала Мила. – У меня сегодня тройной праздник: кроме вас приехал отец, а еще как раз вчера вечером начался Суккот.

Тут с балкона вышел подтянутый и бодрый пожилой человек.

– Да, доча, красивую сУку⁴ ты установила у себя на балконе.

Лицо Милы сделалось каменным.

– Не сУку, а суккУ, папа. Ты же прекрасно знаешь, как на иврите произносится "кущи". Кстати, знакомься, это моя старая подруга Ольга. Я тебе про нее рассказывала. Только на этой неделе приехала из Питера на постоянное проживание.

– Ой, извините, Оленька. Меня зовут Леонид, но для вас просто Ленья. Я – тот самый папа этой оторвы, вашей подруги. Если бы знал, что здесь присутствует такая интересная дама, то не стал бы так грубо выражаться. Как там город трех революций поживает?

– Бурлит и разлагается. Государство отобрало у людей деньги, не платит зарплаты, полки магазинов пусты, жить стало невозможно.

– И поэтому вы решили слинять в Израиль? – ехидно заметил Ленья.

– Отъезда в Израиль я ждала десять лет.

– И вот наконец вы здесь, – закончил повествование Ольги Леонид. – Но уверяю, вы еще очень горько пожалеете, что покинули свою Родину, настоящую Родину, с ее великой культурой и историей.

– Наша история гораздо богаче и древней, а культура не уступает своим величием русской, – вставила свое слово Мила.

– О какой культуре ты говоришь! Да ты посмотри, во что одеты эти "культурные" люди. Стыд и срам! Доча, как ты могла докатиться до такой жизни! Мои внуки скоро забудут русский язык, язык великих русских писателей!

Тут как раз вошла Лея, внучка Леонида.

– А вот и моя дорогая внученька! – обрадовался Леонид. – Скажи, Лея, что ты сейчас читаешь?

– "Мастер и Маргарита" Булгакова.

– В твои-то годы и читать такие серьезные книги, – растерялся агрессивный дедушка. – Не знал, что ты умеешь читать на русском.

– Я читаю книгу на иврите.

– На иврите! Замечательно! Нужно было родиться в России, чтобы читать русских классиков в переводе! Это просто безумие! – возмутился Леонид. – А ты знаешь, кто такой Евгений Онегин?

– Нет. Но у нас учился в классе "оле хадаш ми Русия" Евгений⁵.

Дед принялся осматривать апартаменты дочери, зло подшучивая над религиозными атрибутами, которые попадались ему на глаза. Тут он подошел к небольшой книжной полке. Среди ивритской литературы Леонид нашел несколько потрепанных томов на русском языке. Все книги были написаны классиками русской литературы: Чеховым, Достоевским, Толстым.

– А Пушкин где?

⁴ Игра слов, на самом деле "Сукка" (от *иврит.*) – шалаш, который строят религиозные евреи на праздник Суккот.

⁵ От *иврит.* "новый репатриант из России".

– Но, папа, у меня его и не было.

– "Не было", – проворчал старик. – Ты пишешь книги на русском языке и у тебя в доме нет Пушкина. Внуча, ты знаешь кто такой Пушкин?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Папа, зачем еврейской девочке, живущей в Израиле, знать о проблемах русского аристократа прошлого века? – возмутилась Мила.

– И это говоришь ты, моя дочь?! – расвирипел Леонид. – Причем тут русский аристократ? А что их должно интересовать, эти СУки и Талмуд?!

Тут он обратился к Ольге:

– Мила мне сказала, что вы приехали с сыном. Сколько сыну лет? Вы не боитесь, что с ним произойдет то же, что и с моими внуками?

– Сыну скоро тринадцать. А за его культурное образование я не боюсь. Социум постоянно пытается навязать свое мировоззрение, свою историю, своих героев. Сейчас такое время: рушатся империи, создаются новые государства, происходит массовое переселение народов, смешение языков и культур. Хорошо бы, чтобы сын абсорбировался в новой среде. Иначе ему будет очень тяжело.

Глава 2. Жилье с видом на интифаду

Муж Ольги Сергей, коренной житель Питера, ни за что не соглашался покидать родной город, утверждая, что готов умереть от голода, но в своем Ленинграде. После долгих уговоров он, скрепя сердце, дал разрешение на выезд из России своему единственному сыну Илье, плоду долгой и страстной любви теперь уже бывших супругов. Мальчику к тому времени исполнилось двенадцать лет.

Расставание с отцом, друзьями и школой было очень тяжелым. Илья был типичным еврейским мальчиком: ходил в музыкальную школу по классу скрипки, посещал шахматный и математический кружок, при этом находил время для игры в футбол с ребятами из своего двора. Учительницы химии, математики и русского языка души в нем не чаяли. Ребенок никак не хотел менять устоявшийся образ жизни, терять связь с родными и друзьями.

Однако менялась сама жизнь, менялись люди. Они стали более обозленными и грубыми. И когда двое пьяных быдловатого вида "русских патриотов" пристали к маме по поводу ее национальности, грубо обругали "вонючей жидовкой" и настоятельно посоветовали "убираться в свой поганый Израиль", Илья убедился, что мама приняла правильное решение.

Мила посоветовала Ольге снять квартиру в Неве-Якове, где цены на жилье были вполне приемлемы. Район расположился между арабскими деревнями на многочисленных выжженных солнцем холмах, окруживших непризнанную большинством государств столицу Израиля. Ранее он был заселен в основном религиозными бухарскими евреями, усеявшими свое место обитания синагогами, в которых "кипа сруга"⁶ истоиво, особенно в праздники, молились еврейскому Богу. После крушения советской империи и последовавшего за ним развала социалистической экономики мощная волна репатриантов-евреев из бывшего Советского Союза затопила сионистское государство. Их селили везде, где только можно, не обошла эта участь и Неве-Яков. Израильтяне-старожилы неохотно селились в месте, окруженном арабскими деревнями, однако советских евреев это не смущало. Усилиями вновь прибывших микрорайон постепенно превращался в русскоязычный анклав.

Ольга выбрала квартиру рядом с конечной автобусной остановкой. Расположение жилья казалось очень удобным: рядом находились магазин и школа, в доме было много русскоязычных жильцов.

Израильская двухкомнатная квартира казалась убогой даже в сравнении со скромной однокомнатной хрущевкой в Питере. Крохотные комнатки напоминали клетушки, окна пропускали мало света, а все полы были покрыты каменной плиткой. Позже разъяснили, что так сделано намеренно, чтобы снизить хоть на несколько градусов невыносимую летнюю жару, которая длилась по полгода.

Пока Ольга въезжала в квартиру, к ней подходили многочисленные соседи и с возгласами "Брухим Абаим!"⁷ приносили посуду, старую мебель и поношенную одежду. Новоприбывшую засыпали советами, как лучше и легче обустроиться на новом месте.

Ольга была тронута таким вниманием, однако со временем забота превратилась в постылую опеку и стала докучать. Коренная ленинградка не привыкла, когда заглядывают в ее холодильник, проверяя, насколько кошерна потребляемая пища, залезают в посудный ящик, чтобы (не дай бог!) молочная ложка не оказалась среди ножей и вилок, предназначенных для мяса. Призывы соседок сходить в микву⁸ для очищения после месячных, сделать "натилат ядаим"⁹

⁶ Кипа струга (от *иврит*. "вязанная ермолка") – евреи, соблюдающие религиозные традиции, а также религиозные сионисты.

⁷ От *иврит*. "добро пожаловать".

⁸ Миква (от *иврит*. "скопление воды") – водный резервуар для омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты.

перед едой и прочие религиозные предписания были для Ольги непривычны и даже раздражали.

На исходе первой же ночи женщину разбудил крик какого-то сумасшедшего, оравшего в репродуктор что-то невразумительное. Ольга посмотрела на часы.

– Четыре утра. Какое черта нужно будить людей в такую рань? Неужели потоп или пожар? – Ольга вышла к окну, чтобы осмотреть прилегающую улицу. Никакого пожара не было, во многих домах уже горел свет.

Женщина попыталась заново уснуть, но безуспешно: надрывный крик безумца, казалось, вгрызлся в самое нутро. От проклятых воплей нельзя было ни спрятаться, ни отгородиться.

Неприятности на этом не закончились: вечером того же дня на конечную остановку приехало два автобуса, набитых шумными юнцами. То были религиозные сионисты. Одетые в талес¹⁰, с кипами на головах, молодые парни кричали непонятное "Мавет ла аравим!"¹¹ и швыряли камни в расположенные напротив Ольгиного жилья дома.

Вскоре в ответ полетели камни из района, атакованного ультраправой молодежью. Слава богу, стекло не разбилось, а лишь пошло небольшими трещинами. Чтобы не поранить лицо осколками, Ольга отошла вглубь комнаты.

Спустя полчаса приехала израильская полиция. Началось настоящее побоище: полицейские принялись хватать взбесившихся юнцов, скручивая им руки и волоча особо буйных в темные воронки с плотно зарешеченными окнами. Парни отчаянно отбивались от полицейских, продолжая кричать: "Мавет ла аравим!"

Сын Ольги, Илья, также наблюдал за происходящим. Он был в восторге, но мать велела сыну держаться от окон подальше, чтобы не получить ранения.

На следующее утро к Ольге спустился сосед, бухарский еврей Авшалом. У Авшалома было три маленькие девочки и жена Истат. Они не были религиозными, но свято чтит еврейские традиции. Сосед работал в банке и имел опрятный, интеллигентный вид. Вместе с семьей он репатрировался из узбекского Самарканда, прекрасно говорил по-русски, хотя и с азиатским акцентом, и часто сетовал, что Бог до сих пор не дал ему сына.

Авшалом объяснил причину столкновения между евреями и арабами. Оказывается, утром предыдущего дня арабские подростки забросали камнями еврейский детский садик, и один из камней разбил голову четырехлетней девочке. В ответ религиозные сионисты провели акцию протеста.

– Не волнуйтесь, – пытался Авшалом успокоить Ольгу. – Такое происходит нечасто.

– Ночью меня разбудили крики. Какой-то сумасшедший орал в рупор, разбудил, наверное, всю округу.

– Это муэдзин, арабский мулла, который призывает мусульман к утренней молитве. Тут неподалеку расположена их мечеть. – Авшалом указал на четыре башни, возвышавшиеся над арабскими домами. – Они специально периодически разворачивают один из своих рупоров в нашу сторону, чтобы не давать спать. Но завтра-послезавтра безобразие прекратится, ирия¹² с ними разберется.

Авшалом пригласил Ольгу с сыном на предстоящий шаббат и уверил, что все будет хорошо.

– Окна съемного жилья выходят прямиком на арабскую деревню! – наконец дошло до Ольги. – Арабские дома враждебного к ним населения располагаются на противоположной стороне улицы.

⁹ Нагилат ядаим (от *иврит*. "омовение рук") – ритуальное омовение рук перед принятием пищи.

¹⁰ Талес (от *иврит*. "накидка, плащ") – религиозное одеяние верующих евреев.

¹¹ От *иврит*. "смерть арабам!".

¹² Ирия – городской муниципалитет.

Глава 3. Первое столкновение, первая кровь

На следующее утро Илья решил прогуляться и осмотреть новое место. Он был довольно застенчивым мальчиком, очень любил читать русскую классику, играть в шахматы и футбол, а также решать различные головоломки. Илья был худощавым и не по возрасту рослым. Лицом больше походил на отца, у него отсутствовали те ярко выраженные еврейские черты, которые любили подчеркивать злобные художники на своих антисемитских плакатах. Светлые волосы и серые глаза говорили скорее о его принадлежности к арийской расе.

Прогуливаясь, Илья заметил небольшую спортивную площадку, где располагались два небольших забетонированных участка для игры в футбол и баскетбол, а также несколько гимнастических снарядов.

Вернувшись на съемное жилье, он взял старенький футбольный мяч, оставленный бывшими жильцами, и побежал обратно.

На площадке мужчина в кипе помогал парнишке, видимо, сыну, подтягиваться на брусках. Вскоре они мелкой трусцой покинули площадку, а Илья остался совсем один. Место было очень грязное, повсюду валялись банки и бутылки из под кока-колы, рваные пакеты от бисли и бамбо.

Илья очень любил жонглировать мяч ногами. Один раз ему удалось сделать более тысячи ударов! Но на этот раз что-то не клеилось, и юный спортсмен, отрабатывая удар левой, принялся пинать мячом по пустым воротам.

Вскоре появилась ватага мальчишек, возглавляемая взрослым парнем. Это были арабы. Один из них, одетый в джинсы и обветшалую футболку (судя по всему, главарь), вызывающе поглядывая на Илью и что-то шептал на ухо старшему, будто Илья мог понять его.

Мальчишки разделились на две группы и заполонили площадку, началась игра. Арабы гоняли мяч, вытесняя Илью с поля. Вскоре главный изловчился и мощным ударом направил мяч в лицо Ильи. Он попал прямехонько в нос, потекла кровь. Раздался дружный хохот: это арабские мальчишки веселились удачному попаданию.

Главарь подошел к Илье и сделал притворно озабоченное лицо.

– Зе беседер, зе беседер! – принялся тараторить одно и то же ивритское слово мальчуган, словно этим и ограничивались его познания в древнееврейском языке.

Илья изучал немного иврит перед выездом из Питера, и знал, что "зе беседер" означает американское "окей". Арапчонок широко и нагло улыбнулся и стал махать Илье: мол, убирайся с нашей площадки!

Но Илья был парень не промах и не привык отступать. Отеревшись от крови, измазав при этом запястья и футбольную майку, он стал показывать арапчонку, что хочет принять участие в игре.

Арапчонок растерянно посмотрел на взрослого парня, который привел мальчишек площадку. Тот понял, что происходит, и утвердительно качнул головой.

– Зе беседер! – Мальчик неприветливо оскалился и мотнул головой, приглашая поиграть.

Илья понимал, что сейчас за ним начнется настоящая охота: ребята будут ставить подножки и толкаться, чтобы досадить "израильскому оккупанту". Но он решил во что бы то ни стало довести игру до конца.

Арабские мальчишки играли футбол совсем не плохо, но им было далеко до того мастерства, которое показал Илья. Поначалу ребята действительно пытались грубо толкаться, ставили подножки, а главарь даже попытался дать чужаку пинка под зад. Но Илья ловко увертывался и вскоре забил красивый гол под самую перекладину. Арабы разозлились не на шутку и стали действовать еще более жестко, и один из них сильно ударил Илью по правой икре. Мальчик,

скорчившись от боли, присел прямо на середине поля. Его обступила толпа противников, торжествующе смеясь над незадачливым игроком.

Однако главарю такая подлянка не понравилась. Он подошел к нарушителю и принялся что-то грозно ему высказывать. Тот в ответ схватил его за рубашку: намечалась нешуточная драка.

Подошел рослый парень и принялся громко ругаться, размахивая руками. Затем он грозно обратился к Илье на английском:

– Get out from our playground. Go home¹³.

Илья все понял и, опустив голову, медленно поплелся с площадки. Тут к нему подбежал главарь ватаги и дружелюбно проговорил:

– Back tomorrow play again¹⁴.

¹³ Убирайся с нашей площадки. Отправляйся к себе домой (англ.).

¹⁴ Приходи завтра поиграть (англ.).

Глава 4. Второе столкновение, вторая кровь

Как и многие новоприбывшие, Ольга начала учиться в ульпане, школе по изучению иврита. Кроме этого она по вечерам подрабатывала посудомойкой в ресторане при гостинице Ramada Renaissance.

Учеба и работа располагались в центре Иерусалима, поэтому каждый день приходилось добираться из Неве-Якова на автобусе. Маршрут пролегал через арабскую деревню, и автобусы периодически забрасывали камнями арабские подростки.

В первый раз во время такой атаки Ольга не на шутку испугалась. Удары камней о металлический каркас, хруст бьющегося стекла, испуганные возгласы женщин: все это наводило ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.